

Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса

Арсений Старков

Soviet justice during the Great Patriotic War. A historiographical overview

Arsenii Starkov

(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010146-1

Начало Великой Отечественной войны и стремительное продвижение фронта на Восток, оккупация западных регионов СССР, а также массовая эвакуация населения явились, пожалуй, наиболее значительным испытанием, которому когда-либо подвергалась советская система на протяжении всей её истории. Тем не менее, несмотря на экстремальные обстоятельства, система юстиции и суда — одного из центральных социальных регуляторов — продолжала функционировать и в своей основе опиралась на довоенную нормативно-правовую базу. Война не привела к отказу от «обычных» судебно-правовых процедур и переходу от судебных к внесудебным репрессивным практикам¹. За 1941—1945 гг. было осуждено более 16 млн человек, из которых 81,7% — судами общей юрисдикции².

Советское право в 1930—1950-х гг. обладало особым статусом одного из центральных элементов репрессивной (и в целом регулятивной) политики, использовавшегося И.В. Сталиным как орудие власти и важнейший политический инструмент³. Через органы юстиции, суда и прокуратуры проходили дела, касавшиеся широкого спектра социальных отношений — от политических и общеуголовных до гражданских и хозяйственных споров. Изучение этих материалов с исторической точки зрения (а не в качестве сугубо юридического феномена) позволяет проследить не только трансформацию государственной репрессивной политики в отношении населения в период Великой Отечественной войны, но и социальную реальность во всём её многообразии: от динамики настроений населения (на основе дел по политическим статьям) до тактик вы-

© 2020 А.В. Старков

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

¹ Постановлением ГКО от 17 ноября 1941 г. Особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право во внесудебном порядке рассматривать дела о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР с вынесением приговора вплоть до высшей меры наказания. Тем не менее суды общей юрисдикции и другие специальные суды также продолжали рассматривать поступавшие к ним дела по указанным категориям и выносить по ним приговоры.

² Статистика приведена по: *Budnitskii O.* The Great Terror of 1941: toward a history of wartime Stalinist criminal justice // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history.* 2019. Vol. 20. № 3. P. 447. Указанная статистика включает в себя также предвоенные и послевоенные месяцы 1941 и 1945 гг. соответственно.

³ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 432.

живания в условиях ограниченных ресурсов (например, дела, связанные с экономическими преступлениями) и особенностей брачно-семейных отношений.

В статье рассмотрены наиболее показательные работы, связанные с исследованием советской юстиции периода Великой Отечественной войны. Далеко не все из них напрямую касаются вопросов её функционирования в 1941—1945 гг., однако они значимы для понимания затрагиваемой проблематики, ряд исследований может быть полезен методологически. В центре моего внимания — исторические, а не историко-юридические работы, хотя знакомство с последними в определённой степени необходимо для понимания формальных условий, определявших особый статус юстиции внутри тоталитарного государства. Отмечу, что за рамками исследования остались внесудебные органы, в частности Особое совещание при НКВД (ОСО). Это связано не только с тем, что процессуальные аспекты работы ОСО значительно отличались от деятельности общих судов, но и с тем, что доступ к ведомственным архивным материалам органов НКВД за указанный период фактически до сих пор закрыт для исследователей⁴.

В целом, историография советской правовой системы достаточно обширна: анализ особенностей её функционирования был предметом интереса как советских, так и зарубежных исследователей фактически с самого начала её существования.

Уже в годы войны вышли работы, посвященные изучению советской юстиции⁵. Они затрагивали широкий круг вопросов, касающихся, во-первых, общих институциональных аспектов судебной системы (судоустройства); во-вторых, особенностей развития материального права; в-третьих, анализа процессуальных норм. В них уделено внимание историко-правовому аспекту, в том числе даны попытки выявить особенности советской правовой системы⁶. После окончания войны изучение правовой системы также касалось, в основном, уже перечисленных выше вопросов⁷. Последние, как и прежде, рассматривались

⁴ Проблема отсутствия доступа также возникает при работе с материалами специальных судов (трибуналов), которые в большинстве своём хранятся в закрытых ведомственных архивах. Однако ряд документов, отражающих деятельность специальных судов, может быть обнаружен, например, в ГА РФ, поскольку некоторые дела, рассмотренные специальными судами, рассматривались в порядке надзора Верховным судом СССР.

⁵ См., например: *Голунский С.А., Карев Д.С.* Судоустройство. Ашхабад, 1942; *Калашиникова Н.Я.* Основные проблемы советской кассации по уголовным делам. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944; *Серебровский В.* История развития советского наследственного права // Вопросы советского гражданского права. М.; Л., 1945. № 1; *Строгович М.* Военные трибуналы Советского государства. М., 1942.

⁶ Например, одной из особенностей советской правовой системы было отсутствие апелляционной инстанции, а обжалованию подлежали лишь решения и приговоры, уже вступившие в законную силу. Поэтому особый интерес представляет институт кассации. Об этом см., например: *Олейник И.И., Олейник О.Ю.* Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 222—237.

⁷ См., например: *Амфитеатров Г.Н.* Право наследования в СССР. М., 1946; *Бушуев Г.И.* Военные суды. Суд в СССР: Сборник статей. М., 1977; *Ельевич М.И., Поволоцкий Л.И.* Исторический очерк развития советского гражданского процесса. Л., 1949 (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Вып. 2); *Казаков А.И.* Органы судебного управления РСФСР в период с 1930 по 1970 годы. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; *Карев Д.С.* Военные суды и военная прокуратура. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1951; *Кожевников М.* История советского суда (1917—1947). М., 1948; *Кожевников М.* История советского суда (1917—1956). М., 1957; *Настюк М.* Создание и деятельность советских органов юстиции в западных областях УССР

главным образом на основе открытых источников нормативного характера и фактически не касались изучения социологии права в её историческом аспекте. Подобные исследования вряд ли помогут в изучении структурных проблем работы советской юстиции, но могут быть полезны в качестве справочных изданий.

В конце 1950-х гг. сформировался более критический взгляд на систему советского правосудия сталинского периода. Показательно в этом отношении издание, посвященное пятидесятилетию Верховного суда СССР, состоящее из очерков и статей его членов⁸. Несмотря на общую «праздничную» атмосферу, с характерными позитивными оценками деятельности Суда на страже социалистической законности, в сборнике всё же проскальзывает и критика созданной в конце 1930-х — начале 1950-х гг. системы с её «чрезмерной централизацией судебного надзора и ограничением прав судебных органов союзных республик», что «не содействовало правильному осуществлению надзора за законностью и обоснованностью приговоров и быстрейшему исправлению судебных ошибок»⁹.

Сразу же после войны юридическая наука обратилась к анализу особенностей функционирования советского права в 1941—1945 гг. Это, несомненно, вызывалось пониманием того, что оно не могло не отличаться от «нормальной» практики мирного времени. Рубежным в этом отношении является фундаментальный труд, изданный под общей редакцией И.Т. Голякова — председателя Верховного суда СССР в 1938—1948 гг.¹⁰ В двух томах сборника проанализированы особенности гражданского, трудового и уголовного права, а также уголовного процесса в военные годы. Помимо отражения правоприменительной практики и нормотворчества военных лет, одной из целей сборника обозначено теоретико-правовое осмысление процессов, происходивших в советском праве, а также сравнительно-правовой анализ советской и зарубежных правовых систем (в том числе нацистской).

Этот сборник стал рубежным в историографии анализируемой проблемы: он заложил концептуальные основы восприятия правосудия и системы юстиции военных лет не только для советских историков и правоведов, но и для значительного числа современных российских исследователей. В частности, центральными в его историко-правовом обобщении являются идеи о превосходстве социалистического строя, быстрой перестройке работы советского государства (и, соответственно, перестройки государственно-правовой системы) на военный лад, широкой поддержке правовых мероприятий населением. Сама же система советской юстиции «в лице её руководящих органов и непосредственных вершителей правосудия на местах, карая на точном основании советского закона — материального и процессуального — преступников из числа

(1939—1941 гг.). Львов, 1977; *Хуыз М.* Общие положения гражданского процесса: историко-правовое исследование. М., 1979; *Шпилёв В.Н.* Обжалование и опротестование судебных решений и определений в гражданском процессе СССР. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1949; *Юдельсон К.* Советский гражданский процесс. М., 1956.

⁸ Верховный суд СССР. Статьи и очерки о деятельности за 1924—1974 / Под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, Б.С. Никифорова. М., 1974.

⁹ *Смоленцев Е.* На страже социалистической законности // Верховный суд СССР. Статьи и очерки о деятельности за 1924—1974 (URL: <http://wysotsky.com/0009/523.htm#05>).

¹⁰ Советское право в период Великой Отечественной войны / Под ред. И.Т. Голякова. В 2 т. М., 1948.

неустойчивых элементов и уничтожая вражескую агентуру, со своей стороны содействовала укреплению фронта и тыла»¹¹. Это утверждение прочно вошло в отечественный научный дискурс и, к сожалению, до сих пор вызывает подмену научного анализа слепой апологетикой юстиции военных лет.

Что касается более поздних советских исследований, их число относительно небольшое¹². Возможно, это объясняется закрытостью архивов, а также интересом к сугубо нормативной составляющей. К тому же вполне в духе сборника 1948 г. подчеркивался тезис о неукоснительном соблюдении законности в военное время. Более же критический, уже не узко правовой, а историко-социологический и институциональный анализ стал в полной мере возможен лишь с распадом СССР.

Интерес западных исследователей к вопросам советской юстиции также сопутствовал последней на протяжении всей её истории. Но он был связан с общим интересом к сталинской (и в целом советской) системе социально-политического устройства. Очевидно, что до начала 1990-х гг. зарубежные исследователи не имели доступа к советским архивам и были вынуждены опираться на очень ограниченный круг источников, в частности, открытые нормативные документы СССР, советские периодические издания и т.п. Особую ценность представляли материалы оказавшегося в США после войны архива Смоленского обкома ВКП(б)¹³ и материалы «Гарвардского проекта» (Harvard project on the Soviet social system)¹⁴.

Зарубежные исследования 1940—1980-х гг. можно условно разделить на две большие группы. Первая — работы, посвящённые непосредственно юридическим вопросам права и правоприменения. Это главным образом исследования отдельных отраслей права, а также об организационных аспектах системы юстиции в СССР¹⁵. Вторая группа затрагивает правовые вопросы в контексте изучения социально-политической системы и проблем сталинизма. Наибольшее внимание уделялось массовому террору 1930-х гг. и соотношению судебных и внесудебных мер воздействия, а также постепенной переориентации и стабилизации правовой политики после принятия Конституции 1936 г.¹⁶ Среди

¹¹ Советское право в период Великой Отечественной войны. Т. 1. Гражданское право. Трудовое право. М., 1948. С. 9.

¹² См., например: *Грибанов З.П.* Гражданское право в период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1985. № 3. С. 63—72; *Коняхин Л.Г.* Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1985. № 3. С. 23—41; *Куликов В.В.* Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 31—37.

¹³ См., например, одну из рубажных работ на основе документов «Смоленского архива»: *Fainsod M.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1953.

¹⁴ См., например: *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet citizen: daily life in a totalitarian society. Cambridge (Mass.), 1959.

¹⁵ См., например: *Berman H.J.* Soviet family law in the light of Russian history and Marxist theory // The Yale Law journal. 1946. Vol. 56. № 1. P. 26—57; *Chenoweth D.W.* Soviet civil procedure: history and analysis // Transactions of the American Philosophical society. 1977. Vol. 67. № 6. P. 1—55; *Gsovski V.* Soviet law of inheritance: II // Michigan Law review. 1947. Vol. 45. № 4. P. 445—468; *Huskey E.* Russian lawyers and the Soviet state: the origins and development of the Soviet bar, 1917—1939. Princeton (N.J.), 1986; *Kiralfy A.K.R.* The Soviet Supreme Court as a source of law // Soviet studies. 1951. Vol. 2. № 4. P. 356—363; *Luryi Y.* Special courts in the USSR: a comment // Review of Socialist law. 1962. Vol. 8. P. 251—257.

¹⁶ См., например, наиболее характерные работы, относящиеся к этой группе: *Berman H.J.* Justice in the U.S.S.R. An interpretation of the Soviet Law. Cambridge, 1963; *Berman H.J.* Soviet justice

исследований, относящихся к обеим группам, стоит выделить работы Г. Бермана и Ю. Хаски¹⁷.

Советская юстиция в годы войны фактически не была предметом отдельного интереса в зарубежной историографии, в чём заключается её определённое сходство с советской. Хотя ряд нормативных изменений тех лет так или иначе рассматривался в контексте общих перемен в советском праве¹⁸. Конец 1930-х гг. в зарубежной историографии традиционно оценивался как период стабилизации советской юстиции после принятия новой конституции, а также завершения массовых политических репрессий. Показательна в этом отношении статья Р. Шарлета¹⁹, где высказывается тезис, что в военные годы продолжалась начавшаяся в конце 1930-х гг. политика стабилизации и «дерадикализации» правовой культуры. Институциональные и социальные проблемы правовой политики в военные годы были вне поля зрения исследователей, вероятно, в первую очередь из-за отсутствия в их распоряжении открытых источников (например, материалов ревизий судебных органов, конкретных судебных дел²⁰, статических данных).

«Архивная революция» начала 1990-х гг. дала мощнейший импульс отечественным и зарубежным исследованиям в области советской истории. Именно в результате рассекречивания большого количества документов стал возможен анализ практик реализации правосудия в СССР и социальных последствий подобной реализации, институциональных проблем многосоставной системы советской юстиции. В этой связи, прежде чем перейти к современной историографии темы, нельзя не остановиться на рубежном исследовании П. Соломона

and Soviet tyranny // *Columbia Law review*. 1955. Vol. 55. № 6. P. 795—807; *Huskey E. Vyshinskii, Krylenko, and the shaping of Soviet legal order // Slavic review*. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 414—428; Justice and the legal system in the USSR / Ed. by R. Conquest. L., 1968; *Juviler P.H. Revolutionary law and order: politics and social change in the USSR*. N.Y., 1976; *Oda H. Criminal law reform in the Soviet Union under Stalin. The distinctiveness of Soviet Law / Ed. by F.M. Feldbrugge*. Dordrecht, 1987; *Rittersporn G.T. Soviet officialdom and political evolution: judiciary apparatus and penal policy in the 1930s // Theory and Society*. 1984. № 13. P. 211—237; *Sharlet R., Beirne P.* In search of Vyshinsky: the paradox of law and terror // *International Journal of the sociology of Law*. 1984. № 12. P. 153—177; *Sharlet R. Stalin and Soviet legal culture // Stalinism / Ed. by R. Tucker*. N.Y., 1977. P. 155—179.

¹⁷ Помимо перечисленных выше работ стоит выделить обзорную статью Ю. Хаски, которая вышла уже после распада СССР: *Huskey E. From legal nihilism to «Pravovoe gosudarstvo»: Soviet legal development, 1917—1990 // Toward the «Rule of Law» in Russia? Political and legal reform in the Transition period / Ed. by D. Barry. Armonk (N.Y.)*, 1992. P. 23—42. О подходах в изучении и восприятии советского права (где, в том числе, упоминается точка зрения Бермана): *Huskey E. A framework for the analysis of Soviet law // The Russian review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 53—70.

¹⁸ См., например, статью, в которой дан достаточно подробный анализ указа Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства...»: *Berman H.J. Soviet Family law in the light of Russian history and Marxist theory*.

¹⁹ *Sharlet R. Stalinism and Soviet legal culture*. P. 168, 178.

²⁰ Хотя, например, в 1950 г. в США вышло издание, в котором были опубликованы ряд советских нормативно-правовых документов, а также решения судов, взятые из советской юридической периодики. Этот сборник преследовал, главным образом, цель ознакомления с советской судебной системой (очевидно, что выборка из периодических изданий СССР не продемонстрировала особой репрезентативности): *Hazard J.N., Weisberg M.L. Cases and readings on Soviet law*. N.Y., 1950. См., например, статью на основе опубликованных документов: *Schlesinger R. Court cases as a source of information on Soviet society // The American Slavic and East European review*. 1951. Vol. 10. № 3. P. 163—176.

«Советская криминальная юстиция при Сталине»²¹, написанном на основе широкой источниковой базы из открывшихся в начале 1990-х гг. архивов.

Анализ Соломона охватывает три с половиной десятилетия и начинается с исследования генезиса советской уголовной юстиции в годы революции и Гражданской войны. Завершается монография первой половиной 1950-х гг. В центре внимания «не только правосудие, но и роль права в советской системе, взгляды советских руководителей на значение права и на его взаимоотношения с политической действительностью»²². Также отдельное внимание уделено вопросам взаимодействия (в том числе конфликтам) партийных и советских органов на местах в осуществлении правовой политики. В исследовании отсутствует самостоятельная часть, посвящённая анализу уголовной юстиции в период войны, хотя упоминаются некоторые политические и институциональные процессы. Вероятно, это связано, с одной стороны, с упомянутой выше традицией восприятия юстиции военных лет как составляющей начавшейся в конце 1930-х гг. политики стабилизации (юридический аспект как таковой); с другой, с тем, что 1941—1945 гг. оказались периодом экстраординарных социально-экономических и политических потрясений, который следует рассматривать отдельно (аспект исторический).

Соломон пришёл к выводу, что в период сталинского правления право превратилось в один из двух (наравне с террором) центральных инструментов осуществления репрессивной политики; при этом фактически все законодательные изменения в отрасли уголовного права «несли на себе печать личного участия Сталина»²³. Применение же уголовного права в этот период оказалось значительно расширено. Оно стало инструментом регулирования широкого круга социальных и экономических отношений — от сферы народного хозяйства (например, борьба с хищениями социалистической собственности) до трудовой дисциплины и запрета аборт²⁴. Ко всему прочему, по мнению автора, в условиях советского режима профессионализация работников системы юстиции и централизация судебной системы²⁵ привели к появлению гораздо более послушных судей, которые выносили более суровые приговоры, поскольку гораздо меньше хотели рисковать своим должностным положением, чем их предшественники-непрофессионалы²⁶.

Автор выдвинул предположение, что в период сталинского правления «антиправовой подход никогда не был главенствующим фактором при формировании советской уголовной юстиции», и даже в период наибольшего господ-

²¹ *Solomon P.H. Soviet criminal justice under Stalin. N.Y., 1996 (Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998; М., 2008). Стоит упомянуть и ранние публикации Соломона, результаты которых также легли в основу обобщающей работы: Solomon P.H. Local political power and Soviet criminal justice, 1922—1941 // Soviet studies. 1985. Vol. 37. № 3. P. 305—329; Solomon P.H. Soviet criminal justice and the Great Terror // Slavic review. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 391—413; Solomon P.H. The case of the vanishing acquittal: informal norms and the practice of Soviet criminal justice // Soviet studies. 1987. Vol. 39. № 4. P. 531—555; Solomon P.H. The U.S.S.R. Supreme Court: history, role, and future prospects // The American journal of Comparative Law. 1990. Vol. 38. № 1. P. 127—142.*

²² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 10. Здесь и далее ссылки даются на второе издание книги.

²³ Там же. С. 389.

²⁴ Там же. С. 435—436.

²⁵ Элементы политики укрепления кадров и централизации судебной системы наблюдаются уже в середине 1930-х гг., но наиболее последовательно она проводилась после войны.

²⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 449—450.

ства таких идей — Гражданской войны — работа над составлением Уголовного кодекса основывалась в большей степени на инструментальном подходе к праву²⁷. К тому же использование органов юстиции (наравне с внесудебными органами) для реализации политических репрессий²⁸ имело ограничения даже в условиях абсолютной сталинской диктатуры. Это проявлялось, например, в подспудном сопротивлении судебно-следственных работников осуществлению ряда репрессивных кампаний²⁹. Данные тезисы стали во многом реакцией на историографические дискуссии западных историков о соотношении внесудебного произвола и формальной «законности» при осуществлении репрессивной политики 1930—1950-х гг., а также об институциональных границах правоприменения в тоталитарном государстве.

Нельзя не отметить, что эти выводы вызвали среди исследователей дискуссию. В наибольшей степени она коснулась утверждения об отсутствии определяющей роли антиправового подхода в 1930-х гг., поскольку некоторые историки придерживались прямо противоположной трактовки³⁰, дискуссии же о соотношении идей правового нигилизма и установок на соблюдение формальной законности³¹ в период сталинской диктатуры продолжаются и сегодня. Также критике подверглись утверждения об определённом сопротивлении судебных работников реализации наиболее драконовских репрессивных кампаний: в контексте чисток 1930-х гг. крайне маловероятной представляется возможность судей не подчиняться государственным директивам, а примеры подобного сопротивления выглядят как единичные случаи³². Другие исследователи отмечали, что в работе не уделено должного внимания политическим процессам начала 1920-х гг., анализ которых также важен для понимания генезиса уголовной юстиции сталинского времени³³.

Несмотря на ряд спорных моментов и то, что периоду 1941—1945 гг. не уделено специального внимания, монография Соломона позволяет составить комплексное представление о практиках деятельности органов юстиции и судов в 1920—1953 гг. Выводы об активном применении права как политического инструмента для осуществления власти в указанный период во многом проясняют, «каким образом функционировал сталинизм как социальная система»³⁴.

Благодаря открытию архивов стал возможен анализ конкретных социально-политических и экономических проблем, сопутствовавших реализации по-

²⁷ Там же. С. 439.

²⁸ Там же. С. 451.

²⁹ Там же. С. 442.

³⁰ *Krug P.* [Review of] Peter H. Solomon. *Soviet criminal justice under Stalin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // *Law and History review*. 2000. Vol. 18. № 3. P. 674.

³¹ Эти установки были нацелены на инструментальное использование права для достижения политических целей, а также провозглашали необходимость соблюдения процессуальных норм. Здесь проявляется сочетание двух подходов, которые Хаски характеризует как «statism» и «legalism», с явным преобладанием первого: *Huskey E.* A framework for the analysis of Soviet law // *The Russian review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 57.

³² *Salmonowicz S.* [Review of] Peter H. Solomon. *Soviet criminal justice under Stalin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // *Revue historique de droit Français et étranger*. 1999. Vol. 77. № 4. P. 543.

³³ *Rees E.A.* [Review of] Peter H. Solomon. *Soviet criminal justice under Stalin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. № 7. P. 1358.

³⁴ *Burbank J.* [Review of] Peter H. Solomon. *Soviet criminal justice under Stalin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996) // *The Russian review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 310.

литики 1930—1950-х гг.; это привело к более глубокому пониманию различных сфер общественной жизни. Работы современных российских исследователей, которые могут представлять интерес в рамках предложенной темы, можно разделить на три большие группы. Первая касается смежных с юстицией вопросов внесудебных репрессий и системы ГУЛАГа³⁵. Они важны для более полного понимания правовой политики государства, при исследовании которой нельзя не обратиться и к внеправовым методам социального регулирования, от которых сталинизм никогда не отказывался.

Вторая группа работ — исследования историко-правового характера, касающиеся вопросов становления политико-правовых институтов: органов судебной власти (сюда относятся исследования как системы судов общей юрисдикции, так и специальных судов), следственных и надзорных органов, органов адвокатуры и проч.³⁶ Эта группа охватывает главным образом работы юристов, которые в меньшей степени обращаются к социально-политическим аспектам. Тем не менее эти исследования полезны в качестве справочных для понимания общих институциональных особенностей советской правовой системы, её генезиса и изменений. Также они опираются на широкий массив документов, в том числе и из региональных архивов.

Третья и наиболее интересная в рамках общеисторической проблематики группа — работы, непосредственно посвящённые вопросам развития и функционирования системы юстиции в период Великой Отечественной войны. Помимо сугубо юридических, большое место здесь занимают исторические исследования, основанные на анализе нормативных документов и правоприменительной практики. Большая часть этого массива — статьи. До сих пор в отечественной историографии отсутствуют комплексные обобщающие работы. Возможно, это связано с относительной новизной подобной проблематики — интерес к военному времени в контексте юстиции обозначился лишь в начале

³⁵ См., например: *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918—1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Иванова Г.М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944—1954 // Труды Института российской истории. М., 2004. С. 287—308; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР М., 2000; *Лунев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Сборник статей. Новосибирск, 2004. С. 260—290; *Хлевнюк О.В.* 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011.

³⁶ См., например: *Зайцева И.И.* Адвокатура в России. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; *Клевцов А.В.* Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917—1991): историко-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Кодинцев А.А.* Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933—1956 гг. Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010; *Олейник И.И.* Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР (1917—1936 гг.). Дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006; *Петухов Н.А.* История военных судов России / Под ред. и с предисл. В.М. Лебедева. М., 2003; *Смирнов В.Н.* Партийно-государственное руководство адвокатурой в довоенное время: 1922—1940 гг. // Российский юридический журнал. 2014. №6. С. 151—168; *Шкаревский Д.Н.* О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 16—19; *Шкрыль Е.О.* Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917—1940 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

XXI в. Можно выделить ряд тем, которые до настоящего времени представляли для историков и правоведов наибольший интерес.

Во-первых, это военная юстиция. Сюда можно отнести и исследования, связанные с военными трибуналами различных родов войск (особое внимание, конечно, уделяется военным трибуналам войск НКВД); здесь же — исследования военной преступности³⁷. Во-вторых, это вопросы уголовного регулирования трудовых отношений: мобилизация и борьба с дезертирством. Особое внимание уделяется реализации указов Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., а также совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. (о повышении обязательного минимума трудодней для работников колхозов)³⁸. В-третьих, это частноправовые вопросы: гражданские и брачно-семейные отношения³⁹. Последняя группа достаточно обширна и охватывает вопросы гражданской ответственности, из-

³⁷ См., например: *Белозёров Б.П.* Деятельность органов военной юстиции в годы ВОВ // Государство и право. 1995. № 8. С. 82—107; Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны (Круглый стол журнала «Государство и право») // Государство и право. 1995. № 8. С. 82—107; *Елифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). Дис ... д-ра юрид. наук. М., 2001; *Звягинцев В.Е.* Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М., 2006; *Обухов В.В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (историко-правовое исследование). Дис ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Шкаревский Д.Н.* К вопросу о деятельности военных трибуналов транспорта в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 48—55.

³⁸ См., например: *Емелин С.М.* Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // История государства и права. 2000. № 17. С. 38—41; *Емелин С.М.* Обеспечение общественного порядка и борьба с дезертирством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // История государства и права. 2009. № 21. С. 25—28; *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104—114; *Кодинцев А.Я.* Уголовная ответственность за трудовые преступления в колхозах в годы сталинского режима // История государства и права. 2015. № 9. С. 60—64; *Кодинцев А.Я.* Уголовное судопроизводство в СССР в годы войны // История государства и права. 2012. № 16. С. 42—45; *Папков С.А.* Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940—1945 гг.) // Наука и образование: Материалы V международной научной конференции (26—27 февраля 2004 г.). Ч. 3. Белово, 2004. С. 500—516; *Папков С.А.* «Контрреволюционная преступность» и особенности её подавления в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Урал и Сибирь в сталинской политике / Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. Новосибирск, 2002. С. 205—223; *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012; *Папков С.А.* Правосудие как инструмент репрессий в СССР в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 235—259; *Сомов В.А.* По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Н. Новгород, 2001.

³⁹ См., например: *Демичев А.А., Моисеев А.Б.* Развитие советского наследственного права в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 36—41; *Кодинцев А.Я.* Гражданский процесс в СССР. Практика применения в годы Великой Отечественной войны // Военно-юридический журнал. 2011. № 7. С. 29—32; *Конохов М.В.* Проблемы гражданско-правовой ответственности в военное время и пути их решения с учётом опыта Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 41—44; *Полянский П.П.* Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; *Шаповалов С.Н., Шаповалова Я.А.* Государственная политика в отношении семьи в годы Великой Отечественной войны // Актуальные социально-политические и правовые проблемы развития российского общества. Сборник материалов VI международной научной читательской конференции. Краснодар, 2010. С. 85—90.

менений в наследственном праве и правовой политики в отношении институтов семьи, материнства и отцовства.

В последние годы наблюдается заметный рост региональных исследований⁴⁰, связанных с правовой политикой и деятельностью органов юстиции на местах. Во многом это стало возможным благодаря выходу большого количества обзорных исследований сталинизма. Изучение практики и особенностей отдельных регионов — логичный следующий шаг в этом процессе. Правда, многие работы носят скорее краеведческий характер, а некоторые являются юбилейными изданиями органов юстиции и судов. Тем не менее значительная часть «местных» исследований постепенно вводит в оборот новые значимые документы из региональных архивов.

«Архивная революция» привела и к появлению значительного количества исследований зарубежных историков. Они также по большей части посвящены общим проблемам функционирования тоталитарной системы, массовым репрессиям и т.п.⁴¹ Работ о юстиции в годы Великой Отечественной войны ещё меньше, чем в российской историографии. Работа Соломона остаётся наиболее крупным и обобщающим зарубежным исследованием вопросов сталинской юстиции. В последние годы появились статьи, в центре внимания которых отдельные вопросы правового регулирования в 1941—1945 гг.⁴² Среди них особый интерес представляет исследование С. Грачовой, в которой рассмотрена борьба с контрреволюционными преступлениями (в частности, антисоветской агитацией). Автор пришла к выводу, что рост политических преследований после начала войны «стал ответом на действительно произошедшие изменения в советском общественном мнении, перемена которого была вызвана событиями

⁴⁰ См., например: *Вдовенков В.М.* Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края. Хабаровск, 2003; *Вдовенков В.М.* 80 лет Верховному суду Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2003; *Вдовенков В.М.* Встать! Суд идёт! (История самарской Фемиды). Самара, 2005; *Винниченко О.Ю.* Общественные правоприменительные и правоохранительные органы Советской России 1930-х годов (на материалах Урала) // История государства и права. 2005. № 4. С. 34—35; *Иванов В.А.* Правда, и ничего кроме правды о военном трибунале г. Ленинграда в период блокады // Россия. Век двадцатый. Сборник статей к 95-летию д-ра ист. наук В.М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 20—37; *Иванов В.А.* Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 48—69; *Павлова Л.А.* Творить суд по закону и чистой совести. Из истории судебной власти на Среднем Урале (1722—2004 гг.). Екатеринбург, 2004; *Печерский В.А., Степанов М.Г.* Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): на материалах Хакасии. Абакан, 2015; *Смирнов В.Н., Усманов Р.Р.* История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург, 1999; Юристы военного времени. О деятельности Управления Народного комиссариата юстиции РСФСР по Кировской области в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Документы и материалы) / Авт.-сост. Ю.П. Малых. Киров, 2000.

⁴¹ См., например: *Davies S.* The crime of «Anti-Soviet agitation» in the Soviet Union in the 1930s // *Cahiers du monde Russe. Les années 30: nouvelles directions de la recherche.* 1998. Vol. 39. № 1/2. P. 149—167; *Holquist P.* State violence as technique: the logic of violence in Soviet totalitarianism // *Landscaping the human garden: Twentieth-century population management in a comparative perspective* / Ed. by A. Weiner. Stanford, 2003. P. 19—45; *Jansen M., Petrov N.* Mass terror and the court: the Military Collegium of the USSR // *Europe-Asia Studies.* 2006. Vol. 58. № 4. P. 589—602; *Werth N.* La terreur et le désarroi: Staline et son systime. P., 2007.

⁴² *Grachova S.* «Counter-revolutionary agitation» in the Soviet Union during the Great Patriotic War: the politics of legal prosecution // *Cahiers du monde Russe.* 2011. Vol. 52. № 2/3. P. 373—386; *Kucherenko O.* State vs Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // *The Russian review.* 2012. Vol. 71. № 3. P. 391—412; *Kudryashov S., Voisin V.* The early stages of «Legal purges» in Soviet Russia (1941—1945) // *Cahiers du monde Russe.* 2012. Vol. 49. № 2/3. P. 263—295.

на фронте», но тем не менее конечной целью этих преследований «было сохранение *status quo* в отношениях между населением и режимом, а не попытка трансформировать политическое сознание советских граждан»⁴³.

Нельзя не отметить работу Д. Ньюмана⁴⁴. Правда, она выходит за хронологические рамки рассматриваемой проблематики и посвящена анализу уголовной юстиции в Московской губернии в 1921—1928 гг. Тем не менее это исследование — одно из основных для понимания генезиса советской судебной системы, в особенности института кассации, а также для знакомства с методологией работы с архивно-следственными документами⁴⁵. Последнее важно, поскольку до сих пор большинство исследований строится на делопроизводственной документации (переписка, отчёты и проч.) органов юстиции и суда, а не на конкретных делах.

В последние годы вышло значительное число российских и зарубежных работ, посвящённых изучению судебных преследований советских коллаборационистов⁴⁶. С. Бернштейном и И.А. Махаловой опубликована статья, в которой представлена сводная база данных с анализом более 900 судебных дел, рассмотренных военными трибуналами в Крыму и на Украине начиная с 1943 г.⁴⁷ Разработанная исследователями аналитическая матрица и полученные метаданные позволяют проанализировать социально-политический портрет лиц, обвинённых в коллаборационизме. Авторы пришли к выводу, что классовые категории не играли определяющей роли в преследованиях, а целью судебно-следственной системы было установление действительных преступлений, совершённых советскими гражданами в период оккупации. Таким образом, судебно-следственные материалы основывались на имевших место реальных фактах и не могут рассматриваться как сфальсифицированные.

Богат на новые исторические исследования деятельности органов юстиции оказался 2019 г. Немецкий исследователь И. Ребичек опубликовал статью о взаимодействии и противостоянии между органами прокуратуры и милиции в 1940-х гг., основанную на материалах пермских партийного и советского архивов⁴⁸. Проанализирована деятельность Д.Н. Куляпина, который в 1942—1949 гг. был прокурором Молотовской обл. Автор «раскрывает намерения и возможности прокуроров в реализации норм в сталинском государстве» и утверждает, что институциональное столкновение между милицией и прокуратурой явля-

⁴³ *Grachova S.* «Counter-revolutionary Agitation»... P. 378—379.

⁴⁴ *Newman D.A.* Criminal strategies and institutional concerns in the Soviet legal system: an analysis of criminal appeals in Moscow province, 1921—1928. Phd dis. Los Angeles, 2013. Также см.: *Newman D.* Cassation of criminal cases from Moscow province courts and tribunals, 1921—1928 // *The Soviet and Post-Soviet review.* 2014. Vol. 41. № 2. P. 146—168.

⁴⁵ Подробнее о методике работы с архивными документами см.: *Newman D.A.* Criminal strategies and institutional concerns... P. 24—25.

⁴⁶ См., например: *Енуфанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (Историко-правовой аспект). Волгоград, 1997; *Kaiser C.P.* Betraying their Motherland: Soviet military tribunals of «Izmenniki Rodiny» in Kazakhstan and Uzbekistan, 1941—1953 // *Soviet and Post-Soviet Review.* 2019. Vol. 41. No. 1. P. 57—83; *Kudryashov S., Voisin V.* The early stages of «Legal purges» in Soviet Russia...; *Penter T.* Local collaborators on trial: Soviet war crimes trials under Stalin (1943—1953) // *Cahiers du monde Russe.* 2008. Vol. 49. № 2/3. P. 341—364.

⁴⁷ *Bernstein S., Makhalova I.* Aggregate treason: a quantitative analysis of collaborator trials in Soviet Ukraine and Crimea // *The Soviet and Post-Soviet review.* 2019. Vol. 46. № 1. P. 1—25.

⁴⁸ *Rebitschek I.* Lessons from the Terror: Soviet prosecutors and police violence in Molotov province, 1942 to 1949 // *Slavic review.* 2019. Vol. 78. Issue 3. P. 738—757.

лось, по сути, конфликтом между двумя конкурирующими подходами к социальному контролю: произвола, более характерного для НКВД (МВД), и стремления к формальному соблюдению социалистической законности — установки работы прокуратуры⁴⁹. Автор пришёл к выводу, что роль прокуратуры всё же превалировала⁵⁰. Несмотря на то что хронологически статья анализирует деятельность прокуратуры, в том числе в период Великой Отечественной войны, автор не рассматривает обстоятельства военного времени и особенности социально-экономического существования Молотовской обл. в условиях тыла как факторы, влиявшие на систему юстиции, и концентрируется лишь на институциональном взаимодействии органов юстиции и правоохранительных органов. Тем не менее, благодаря использованию регионального архивного материала, автору удалось на одном конкретном примере достаточно полно и в динамике рассмотреть межведомственный конфликт в контексте проблематики правоприменения и социального контроля в целом.

В этом же году вышли две знаковые статьи О.В. Будницкого. Первая посвящена репрессиям советской власти в отношении верующих накануне и в период Великой Отечественной войны⁵¹. Вопреки сформировавшейся в историографии точке зрения о некоем компромиссе между властью и религией (церковью), сложившемся в те годы, автор на обширном архивном материале показал, как власть с началом войны, наоборот, фактически развернула кампанию преследования не только священнослужителей, но и «активных» верующих, используя для этого систему органов юстиции и уголовные нормы по контрреволюционным преступлениям. Иными словами, преследования верующих можно рассматривать в контексте общего усиления репрессий по политическим статьям в этот период.

Этой проблеме (росту численности осуждений и смертных приговоров по политическим статьям, в частности, ст. 58¹⁰ УК РСФСР) посвящена вторая статья Будницкого, основанная на материалах судебных дел⁵². Её центральный тезис состоит в том, что второе полугодие 1941 г. можно рассматривать как своеобразное возвращение практик Большого террора, хотя «террор 1941 г.» был гораздо менее массовым и реализовывался в основном через суды общей юрисдикции. Тем не менее общая «методика» кампании по выявлению политических врагов и «шитью» дел⁵³, а также доля смертных приговоров среди осуждённых (порядка 40%⁵⁴) сильно напоминают аналогичные события внесудебных расправ 1937—1938 гг. Будницкий пришёл к выводу, что репрессии имели превентивный характер и затронули всю страну, а не только прифронтовые территории. В этих и иных их аспектах проявляются не только преемственность уголовной юстиции 1930-х гг. и военного времени, но и её определенная эволюция в условиях войны⁵⁵. Несмотря на то что в силу своего формата обе эти статьи рассмотрели лишь отдельные сюжеты карательной политики, можно

⁴⁹ *Rebitschek I. Lessons from the Terror...* P. 738.

⁵⁰ *Ibid.* P. 740.

⁵¹ *Будницкий О.В.* Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939—1945 гг. // *Российская история.* 2019. № 3. С. 100—124.

⁵² *Budnitskii O. The Great Terror of 1941...* P. 447—480.

⁵³ Хотя теперь органами суда, а не внесудебными институтами («тройками»), и в экстраординарных условиях начавшейся войны.

⁵⁴ *Budnitskii O. The Great Terror of 1941...* P. 479.

⁵⁵ *Ibid.* P. 450, 448.

утверждать, что фактически это первые работы в историографии, которые посвящены социально-политическим аспектам деятельности советской юстиции в 1941—1945 гг.

Подводя итог, отмечу, что, несмотря на значительное количество исследований, посвященных деятельности центральных социально-регулятивных институтов — органов юстиции и суда — в 1930—1950-х гг., деятельность этих структур в годы войны до сих пор рассмотрена лишь фрагментарно и требует дальнейшего изучения. Хотя эти вопросы вызывают всё больший интерес учёных и выходят за рамки исключительно историко-юридических исследований. Это связано с тем, что документы, отражающие деятельность судебных органов, прокуратуры и наркомата юстиции, обнаруживают богатый материал не только для исследований социальной реальности в условиях войны, но и для изучения трансформации сталинизма в указанный период в целом. Не вызывает сомнения, что дальнейший исторический анализ позволит гораздо глубже изучить драматический опыт существования власти и общества в условиях войны и, более того, рассмотреть этот опыт как рубежный в переходе от предвоенного сталинизма к послевоенному.